

Kalmyk toponymy origins: material to be included in dictionary

The article deals with the history of the toponymic vocabulary in the territory of the present Republic of Kalmykia. The cartographic materials are under consideration, the examples of dictionary entries of the planned toponymic dictionary of the Kalmyk Republic are represented in the article.

Key words: *toponym, toponymy, toponymic vocabulary, cartography, ulus, Kalmyk, dictionary.*

(Статья поступила в редакцию 10.03.2017)

В.А. БУРЯКОВСКАЯ, О.А. ДМИТРИЕВА
(Волгоград)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ «СЛОВА ГОДА»

Рассматриваются слова, выделенные в России, Великобритании и во Франции как слова года – 2016. Слово года является маркером тех явлений общественной жизни, которые становятся наиболее значимыми для данной лингвокультуры. Анализируются критерии отбора таких слов, выделяются лексические группы в русско-, франко- и англоязычном медийном дискурсе.

Ключевые слова: *слово года, медийный дискурс, неологизм, лексическая группа, политизированность.*

Появление такого феномена, как «слово года», связано с возрастающей ролью массмедийных средств в формировании общественного сознания. «Слово года» ярко иллюстрирует политические и социальные проблемы, имевшие место в прошедшем году и получившие освещение в медиaprостранстве. «Слово года» можно рассматривать как индикатор социальных изменений, маркер меняющейся системы ценностей [2].

В различных странах ежегодно проводятся мероприятия с целью выделить языковую единицу, получившую признание самой популярной и символической. В США подобная традиция осуществляется с 1990 г. В Рос-

сии отслеживанием новых популярных слов и выражений с 2007 г. занимается группа «Словарь года», формирующая рейтинг слов на основе голосования интернет-пользователей. По итогам года формируется своего рода словарь с комментариями, толкованиями, историческими справками о том, когда и как родился тот или иной неологизм. Так, главный редактор портала «Словари XXI века» А.В. Михеев указывает не только на отдельные появившиеся слова, но и на целые лексические группы, которые были значимы для общественно-политической жизни страны и, соответственно, циркулировали в официальном дискурсе.

А.В. Михеев выделяет две тенденции, характерные для ушедшего года, которые выражаются в презумпции негатива и презумпции невежества. Презумпция негатива ассоциируется с такими лексическими единицами, как *допинговый скандал, мельдоний, паралимпийцы* [4]. Презумпцию невежества лингвист видит в неправильном, некорректном или абсурдном представлении фактов и даже неправильном употреблении слов – явление, которое мы все чаще наблюдаем в медиaprостранстве. Связано оно прежде всего с некомпетентностью журналистов, а если взять шире, с некомпетентностью, невежеством, неграмотностью «создателей» медиaproduкции – журналистов, блогеров и обычных пользователей интернета, которые, например, дают свои комментарии к статьям, также становясь активными участниками интерпретации того или иного события.

В Великобритании слово года выделяется лексикографами Оксфордского словаря, и в 2016 г. таким словом стала языковая единица *post-truth* (*adj., relating to or denoting circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief*), а одним из претендентов на эту номинацию – языковая единица *alt-right* (*n., in the US, an ideological grouping associated with conservative or reactionary viewpoints, characterized by a rejection of mainstream politics and by the use of online media to disseminate deliberately controversial content*) [5]. «Постправда» описывает или обозначает обстоятельства, при которых объективные факты являются менее важными при формировании общественного мнения, чем призывы к эмоциям и личным убеждениям. Несмотря на то, что слово «постправда» впервые

было использовано в своем современном значении в тексте сербско-американского драматурга Стива Тесича, который в 1992 г. написал о конфликте в Персидском заливе, частотность употребления данного слова не была высокой. Всплеск употребления данного прилагательного пришелся на момент проведения референдума о выходе Великобритании из Евросоюза и президентской кампании в США. Существительное, которое чаще всего употреблялось с данным прилагательным, – это «политика»: *Obama founded ISIS. George Bush was behind 9/11. Welcome to post-truth politics (Обама основал ИГИЛ. Джордж Буш стоял за терактами 9/11. Добро пожаловать в мир политики пост-правды.* – перевод наш).

Отметим, что лексема *post-truth* является калькой во французском языке и переводится как *post vérité*: *Le terme fait en réalité référence à la primauté de l'émotionnel sur l'objectivité des faits pour modeler l'opinion publique (термин указывает в действительности на преимущество эмоциональной реакции над объективностью фактов для моделирования общественного мнения).*

Что касается неологизма *alt-right*, то он также является показательным: все большую значимость приобретают онлайн-медиа и медиаинтерпретация событий, а не реальные факты. Данная номинация обозначает «группировку, которая ассоциируется с консервативными или реакционными политическими взглядами и характеризуется отрицанием официальной политики и использованием онлайн-медиа для намеренного распространения противоречивой информации» (перевод наш). Все чаще для общественного сознания важным и значимым становится не реальный факт, а его медийная интерпретация и оценка. Эти две номинации – *post-truth* и *alt-right* – свидетельствуют о мощи современных СМИ, об их глобальном, тотальном воздействии на коллективное сознание и бессознательное.

Во Франции существует два списка слов: *le mot de l'année* («слово года») и *le nouveau mot de l'année* («новое слово года»). В этой стране остро стоит ситуация с беженцами. Правозащитник Жак Тубон опубликовал заявление, в котором акцентировал внимание на некорректном использовании в СМИ лексем, номинирующих иностранцев: *migrants (мигрант)*, *réfugiés (беженец)*, *clandestins (подпольщики)*, *immigrés (иммигрант)*, *exiles (изгнанники)*. При этом политик отметил стилистическую маркированность данных единиц и

потенциальную возможность проявления нетолерантного отношения к иностранцам. Однако не все эти номинации вошли в список «Слово года». В 2016 г. словом года во Франции объявлена лексема *réfugiés* (n, беженцы): *réfugiés est apparu comme le plus symbolique, le plus significatif, le plus émouvant de l'année, celui qui illustre le plus, en cette période si empreinte de gravité, les problèmes essentiels du monde d'aujourd'hui (Слово «беженцы» является наиболее символическим, наиболее значительным, наиболее волнительным, это слово, которое более всего иллюстрирует тяжесть и существенные проблемы современного мира.* – перевод наш), по мнению президента жюри, политолога Ролана Кэйрола. Кроме того, были выбраны следующие слова, вошедшие в номинацию «Слово года»: *réfugiés (беженцы)* (20,45% голосов), *terrorisme (терроризм)* (17,05%), *uberisation (уберизация, термин, производный от названия компании Uber, разработавшей мобильное приложение, позволяющее потребителям подавать запросы на поездки, которые затем переадресуются водителям компании, использующим свои личные автомобили)* (11,70%), *république (республика)* (10,57%), *orthographe (орфография)* (10,13%), *climat (климат)* (9,83%), *radicalization (радикализация)* (8,95%), *sécurité (безопасность)* (7,28%), *binationaux (имеющий двойное гражданство)* (2,04%), *primaires (первичные выборы)* (1,61%), *frappes (удары)* (0,39%) [7–9].

В приведенный список вошли слова, максимально часто используемые для описания социальных и политических проблем во франкоязычном медиадискурсе. Данный список оглашается в рамках проведения фестиваля *Festival du Mot* (Фестиваль Слова), когда жюри объявляет результаты голосования, в котором ежегодно участвуют около 100 000 франкофонов.

Что касается *le nouveau mot de l'année* («нового слова года»), то каждый год столпы французской лексикографии Larousse и Robert анонсируют появление порядка 200 неологизмов. Так, в голосовании в 2016 г. во Франции приняли участие 5,678 человек, которые указали на слово *brexit*, пришедшее во французский из английского: *Brexit / брексит* (выход Великобритании из Евросоюза) и *Brexitteer / брекситер* (человек, выступающий за выход Великобритании из Евросоюза) [9]. Несмотря на то, что данная лексема не была признана «словом года» в Великобритании, очевидно, что она

имеет определенную значимость как для британцев, так и для других европейцев.

Обратим внимание на разные подходы отечественных и зарубежных лингвистов к выделению «слова года»: русское слово года выделяется на основе голосования носителей языка, британское – на основе критерия частотности его появления в СМИ, французское слово года (*le mot de l'année*), как мы уже упомянули, выступает в двух ипостасях: самое популярное, отражающее насущные проблемы социума, выбирается методом голосования, а *le nouveau mot de l'année* (неологизм, который фиксируется в таких словарях, как *Larousse* и *Robert*) определяется в ходе работы исследовательского центра *Valibel de l' UCL* в сотрудничестве с изданием *Soir*. Критерии, лежащие в основе выделения значимого неологизма следующие: языковая единица (слово или выражение), новизна (не содержится в словарях *Petit Robert* и *Larousse*), частотность употребления.

Тем не менее все критерии отбора «слова года» себя оправдывают и не исключают друг друга, поскольку некоторые слова, употребленные единично, не менее значимы или символичны. Так, у нас одним из показательных неологизмов является *страна-дауншифтер*: именно так в начале года назвал Россию глава «Сбербанка» Герман Греф. Некоторые слова повторяются многократно, поскольку в течение долгого времени не теряют своей актуальности – *гелендвагены* стали символом поведения золотой молодежи, которая демонстративно нарушает ПДД. *Импортозамещение* циркулировало в массмедиа, поскольку тема санкций не закрыта. Внезапную популярность приобрело слово *лабутены* (от имени французского дизайнера Кристиана Лубутена), употребленное в такой форме в песне группы «Ленинград» [4].

Одним из значимых политических событий ушедшего года стали выборы американского президента. В связи с этим как в английском, так и в русском и французском языках появилось слово *Trumpism / трампизм / trumpisation*, которое вобрало в себя всевозможные ассоциации с поведением и стилем жизни Д. Трампа. Пока точного определения этому слову не существует, хотя словарь сленга английского языка *Urban Dictionary* содержит семь определений этого понятия, каждое из которых в той или иной степени связано с экстравагантным, эпатажирующим и непредсказуемым поведением американского президента. Приведем одно из них: *A social / poli-*

tical movement based on elements of (a) racism, (b) religious bigotry, (c) demeaning attitudes towards women, (d) attempts to intimidate the press, (e) economic uncertainty, (f) rejection of scientific findings and (g) general expressions of hatred that are reminiscent of German National Socialism of the Hitler era. It is often characterized by completely baseless, false statements [11] (*Общественное или политическое движение, основанное на элементах а) расизма, б) религиозного фанатизма, в) пренебрежительного отношения к женщинам, г) запугивания прессы, д) экономической нестабильности, е) проявлений ненависти, напоминающих немецкий национал-социализм эпохи Гитлера. Все это часто основано на лживых, не имеющих под собой оснований утверждениях.* – перевод наш).

Понимание *трампизма* может быть и таким: «В Америке стартовала новая система, имя которой “трампизм”. Это значит больше американского изоляционизма, больше популизма во внутренней и внешней политике, дружба Вашингтона с такими “борцами за демократию”, как Владимир Путин. Это означает ослабление НАТО и холодные отношения с Евросоюзом», – пишет Ярослав Маковский на сайте польского журнала *Polityka* [3].

Кроме отдельных слов, наше внимание обращают на себя следующие словосочетания, отражающие социальную жизнь российского общества: *экономический декаданс, отрицательный темп роста, новая нормальность, новые возможности, внутренний туризм, очередь на Серова / Айвазовского, культурная толпа, ночь длинных ковшей* [4]. Всплески абсурдности номинирования обозначены при помощи таких нелепых словосочетаний, как *отрицательный темп роста, новая нормальность, культурная толпа*.

Помимо отдельных слов и словосочетаний, можно выделить целые высказывания, которые вызвали у россиян шквал эмоций: *В каждой российской семье есть автомобиль; Если хотят больше, пусть идут в бизнес (про учителей); Денег нет, но вы держитесь! Хорошего вам настроения!* [Там же]. Эти высказывания Д.А. Медведева не остались незамеченными. Например, YouTube пополнился не только роликами с выступлениями премьер-министра, но и огромным количеством комментариев к данным высказываниям.

Презумпция негатива реализуется за счет лексической группы «война». Если слова, называющие различные явления украинского

конфликта в 2016 г., ушли на второй план, то тематика войны, связанная с ситуацией в Сирии и терроризмом, не потеряла своей актуальности. Приведем примеры слов и словосочетаний, которые входят в данную лексическую группу: *операция по освобождению, боевики ИГ, победа над террористами, центр ИГИЛ, покидать без боя, удары американских беспилотников, зона боевых действий, гибнуть, статистика по ударам, проводить операции, осуществлять атаки / налеты, уничтожать* [1; 3].

Полагаем, что лексическая группа «война» является сегодня одной из основных в медийном дискурсе и напрямую связана с презумпцией негатива, обозначенной выше. Кроме того, устойчивое присутствие данной лексической группы в современном медиапространстве свидетельствует о его военизации.

Если говорить об англоязычном медиапространстве, то здесь одной из популярных является тема России. Анализ электронных версий изданий The Guardian, The Telegraph, The Washington Post показал, что лексическая группа «Россия» представлена языковыми единицами *Russia, Russian, Russia's, pro-Kremlin*. Приведем примеры повторяющихся словосочетаний с данными лексемами: *Russia's responsibility (ответственность России), Russian hacking (русское хакерство), Russian activities (русская активность), Russian interference (русское вмешательство), Russian intelligence services (русские спецслужбы), Russian government (русское правительство), Russian-controlled news platforms (новостные платформы, контролируемые Россией), pro-Kremlin bloggers (прокремлевские блогеры), pro-Kremlin figures (прокремлевские фигуры), Russia-friendly positions (дружественные по отношению к России позиции), Russia's intervention in the 2016 election (русское вмешательство в выборы 2016 г.)* (перевод наш) [6; 10; 12].

Явления общественной жизни в силу слияния русскоязычного медиапространства с глобальным, в большей степени англоязычным, высвечиваются именно через намеренное и / или ненамеренное «вбрасывание» новых слов и выражений в коммуникативное пространство говорящего коллектива. Некоторые из них употреблены однократно, но не остаются незамеченными, некоторые повышают частотность своего употребления и, как следствие, фиксируются словарями.

Сегодня задействуются все модусы существования медиа – от простого телевизора до онлайн-медиа, – эксплуатирующие в наибольшей степени стратегию воздействия через формирование определенной точки зрения и внедрение ее в сознание медиапотребителей. Абсолютно очевидно, что эта тенденция не является сугубо этнокультурной чертой – эта тенденция глобальна и в полной мере характеризует как русскоязычное, так и англоязычное и франкоязычное медиапространство.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о высокой политизированности современного медиапространства как в Великобритании и Франции, так и в России. Кроме того, наличие такого лингвокультурного феномена, как «слово года», указывает на ценностные ориентиры говорящего коллектива. Анализ примеров показал, что для данных стран эти ценностные ориентиры разнятся, однако их высокая активность на мировой политической арене неминуемо ведет к появлению новых понятий и, соответственно, новых слов, которые носят наднациональный, глобалистский характер.

Литература

1. Гусев В. Террористы ИГ потеряли 25% захваченных территорий в 2016 году [Электронный ресурс] // Известия: сайт. URL: <http://izvestia.ru/news/658536#ixzz4WJxyCXdQ> (дата обращения: 19.01.2017).
2. Иссерс О.С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «слово года» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 48–53.
3. Разведка США подсчитала жертв ударов беспилотников за годы президентства Обамы [Электронный ресурс] // Лента.ру: сайт. URL: <https://lenta.ru/news/2017/01/20/dronekilledcivilian> (дата обращения: 20.01.2017).
4. Словари XXI века: портал [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari21.ru> (дата обращения: 29.01.2017).
5. English Oxford Living Dictionaries [Electronic resource]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 11.02.2017).
6. Guardian [Electronic resource]. URL: [guardian.co.uk](http://www.guardian.co.uk) (дата обращения: 30.01.2017).
7. Mot de l'année 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.festivaldumot.fr/article/le-mot-de-l-annee-4fe0726ebe733> (дата обращения: 30.01.2017).
8. Populisme, Brexit, camion fou... les mots qui ont marqué l'année 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.france24.com/fr/20161231-retro-2016-langage>

mots-discours-marquants-fillonniste-radicalisation-brexit-populisme (дата обращения: 26.01.2017).

9. Quand le mot de l'année 2016 traduit l'état des sociétés [Electronic resource]. URL: <http://www.rtl.fr/actu/societe-faits-divers/quand-le-mot-de-l-annee-2016-traduit-l-etat-des-societes-7786304830> (дата обращения: 30.01.2017).

10. Telegraph [Electronic resource]. URL: telegraph.co.uk (дата обращения: 30.01.2017).

11. Urban Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=Trumpism> (дата обращения: 30.01.2017).

12. Washington Post [Electronic resource]. URL: washingtonpost.com (дата обращения: 31.01.2017).

* * *

1. Gusev V. Terroristy IG poterjali 25% zavhachennyh territorij v 2016 godu [Jelektronnyj resurs] // Izvestija: sajt. URL: <http://izvestia.ru/news/658536#ixzz4WJxyCXdQ> (дата обращения: 19.01.2017).

2. Issers O.S. V poiskah obshhego slovarja: diskursivnye praktiki novejshego vremeni cherez prizmu proektov «slovo goda» // Politicheskaja lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 48–53.

3. Razvedka SShA podschitala zhertv udarov bespilotnikov za gody prezidentstva Obamy [Jelektronnyj resurs] // Lenta.ru: sajt. URL: <https://lenta.ru/news/2017/01/20/dronekilledcivilian> (дата обращения: 20.01.2017).

4. Slovarei XXI veka: portal [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://slovarei21.ru> (дата обращения: 29.01.2017).

Linguistic and cultural characteristics “word of year”

The article deals with the words allocated in Russia, the UK and France as word of the year 2016. The word of the year is a marker of social life phenomena that become the most meaningful for the linguistic culture. The criteria for selection of such words are analyzed, the lexical groups in the Russian, French and English language media discourse are found out.

Key words: *word of year, media discourse, neologism, lexical group, politicization.*

(Статья поступила в редакцию 22.02.2017)

А.В. КРЕМНЕВА
(Барнаул)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ МЕЖТЕКСТОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рассматриваются основные направления в исследовании интертекстуальности и возможные перспективы их развития. Отмечено, что, несмотря на огромное количество работ, посвященных различным аспектам интертекстуальности, интерес к данной теме не ослабевает. Подчеркивается, что между подходами к изучению проблемы интертекстуальности не существует жестких границ, в каждом из них присутствуют элементы интеграции с другими подходами. Отмечается также, что ряд исследований с трудом можно отнести к какому-либо из мейнстримов.

Ключевые слова: интертекстуальность, структурно-семиотический подход, культурно-семиотический подход, семиотико-герменевтический подход, синергетический подход, коммуникативный подход, этнопсихолингвистический подход.

Термин *интертекстуальность*, введенный в лингвистический обиход почти полвека тому назад литературоведом и семиотиком Ю. Кристевой, появлением которого она, по ее собственному признанию, обязана идеям М.М. Бахтина о диалогизме гуманитарного мышления, прочно закрепился в современном метаязыке гуманитарных наук, а теория интертекстуальности сегодня представляет собой широкое поле исследований для лингвистов и литературоведов, культурологов и искусствоведов. Как отмечает немецкий исследователь В. Хайнеманн, в лингвистике текста имеет место т.н. «интертекстуальный синдром», который находит свое проявление в стремлении трактовать любые межтекстовые связи как интертекстуальные (цит. по: [35, с. 178]).

При этом, несмотря на огромное количество работ, посвященных различным аспектам интертекстуальности, интерес к данной проблеме не ослабевает. «Чужое слово» (или «текст в тексте») становится сегодня характерной чертой художественных, публицистических и ре-